

Вместе с процессами изменений в мире меняется и преступность как таковая. Начинают появляться новые виды криминальных деяний, которых раньше просто не было. Речь идет о преступлениях, совершаемых в сфере использования цифровых технологий. Их количество и виды будут стремительно расти. Мы даже названий для многих из них не успели придумать. И как наказывать за них не знаем.

Законодатель будет какое-то время пытаться нагнать стремительно убегающее время и хоть как-то описать совершаемые деяния, но очень скоро выдохнется и поймет тщетность своих усилий. Ко всему прочему процесс принятия законов является очень громоздким, не отвечающим требованиям стремительно меняющегося мира. Нужно будет искать иные механизмы правового регулирования. Это с неизбежностью повлечет за собой и изменение права и пересмотра роли права в общественном развитии.

И эти события тоже будут происходить очень быстро, далеко не все смогут их даже отследить и тем более осмыслить.

Уже достаточно давно тело человека стало выходить из сферы воздействия суда. И этот процесс продолжается. Что остается? Модификация поведения человека через воздействие на его сознание. Сегодня многие считают это и невозможным, и недопустимым. Но пройдет совсем немного времени, и эти же самые люди будут настаивать на обратном. Нравственные оценки поменяются: недопустимое сегодня станет одобряемым и приемлемым завтра.

Увы, но в уголовном праве сегодня нет даже намека на подготовку к наступлению новой эры. Даже теоретики стараются помалкивать. А напрасно: гром вот-вот грянет, и креститься будет поздно. Именно поэтому мы должны знать, что нас ожидает и готовиться к этому. Готовиться самим и готовить наших студентов.

Крусс Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета

Борисов Григорий Дмитриевич,

Тверской государственный университет

Конституционное правопонимание и догма формально-юридической дескрипции¹

В отечественной философии предложены обоснования существенных недостатков познавательной установки эмпиризма, как исключающей онтологически значимые коннотации в своих построениях и выводах². Эта характеристика применима и к юридической догматике, подменяющей гносеологическую согласованность и наполненность номинальной артикуляцией формально-онтологического аспекта реальности. Неизбежный (хотя и неявный) редукционизм и релятивизм, присущие современной отечественной теории права как науке и учебной дисциплине, затрудняют юридически достоверное и значимое описание правовой действительности. Отчасти этим обусловлено и непрерывное умножение бесплодно конкурирующих позитивистских классификаций, одинаково позволяющих субъектам научно-теоретических высказываний претендовать на юридически релевантные выводы. И равно уклоняться при этом от ответа на подлинно теоретический вопрос о том, посредством какой юридической «магии», изначально лингвистическое дескриптивное высказывание превращается в текстах права в общеобязательное (прескриптивное) утверждение должного.

Методологическим маркером правовых доктрин, производных от позитивистского концепта, выступает рефлексивная интуиция прикладного характера юридического дискурса³. Ядром последнего полагается норма права и формально-логические (включая телеологический аспект)

¹ Публикация подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Франк С. Л. Сочинения [Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова; Журн. «Вопр. Философии» и др.]. Москва: Правда, 1990. С. 181–183; 556–559; Лосский Н. О. История русской философии. Москва: Академический проект, 2018. С. 330–395, 550.

³ См., например: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения: монография. Москва: НОРМА, 2001. С. 4.

способы ее интерпретации¹. Последовательное развитие означенных гносеологических посылок номинирует юридический дискурс как «особую методу», которая только и гарантирует высказываниям верительную грамоту их юридической состоятельности². На этом основании Р. Иерингом было заложено здание юридической техники во взаимосвязи компонентов субъективного, как приведения к простейшим формам (формализации) предстоящего перед правоведом юридического материала, и объективного в качестве механической конструкции права³. Однако подразумеваемый здесь консенсус относительно присущей только юриспруденции манере генерации высказываний, осложняется фактической неопределенностью содержательного наполнения правовой материи в поливариантных доктринальных сюжетах. Причем не только предметно-конкретного, но и концептуально-секторального уровня.

Познавательное дезориентированное состояние современной юридической науки, некорректно отождествляющей логику и онтологию, открыто признается в литературе⁴. Позитивизм отвечает на это ослаблением концептуальной демаркации гносеологических представлений вплоть до смешения таковых. Это продуцирует, в частности, новации интегративного⁵ и компрехендного («всеохватывающего») правопонимания⁶. Применительно к интересующей нас проблеме предлагаемые в них решения носят сугубо тактический и, по сути, вторичный характер. Механическое сложение количественных и качественных методик ничего в познавательном отношении не гарантирует. В том числе, применительно к праву, даже если (за неимением лучшего) юриспруденция обратится за поддержкой к искусственному интеллекту⁷. Изначальная интуиция гуманитарной подлинности права, от которой онтологически-комплексная методология вынуждена дистанцироваться (перечисляя юридические признаки или «границы»), позитивистской «тарификации» не подлежит. В телеологическом отношении эта интуиция сопряжена с юридически значимой интерпретацией системы описательных маркеров, подлежащей *сознанию* и *в-сознанию* предметности, что актуализирует задачу экспликации параметров юридической дескрипции для каждого из получающих правовое признание явлений. Релевантное теоретико-правовое движение в этом направлении обеспечивает, по нашему мнению, только конституционное правопонимание⁸.

Как известно, в позитивистской догматике и методологии действительность и действенность нормы права фундирует факт соответствия наличного предписания неким всеобщим атрибутам, обнаруженным в результате применения логических операций абстрагирования и анализа эмпирически явленных форм. Одновременно — тем же самым — намечается и перспектива поиска универсального правового критерия. Однако, апеллируя к объективности своих построений в сфере предметной «автаркии», догматическая теория права обнаруживает содержательно-категориальное опустошение и оказывается *формальной онтологией права* в смысле

¹ См. например. Петров А. В., Зырянов А. В. Методология государства и права: мировой исследовательский опыт: монография. Москва: Проспект, 2022. С. 64.

² Наиболее широкое применение соответствующий подход получил в разработках о видах юридической техники. См. например: Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 8; Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 496 с.

³ См.: Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. Санкт-Петербург: [Типо-лит. А. Г. Розена (А. Е. Ландау)], 1905. 106 с.

⁴ См. например: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 7; Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права (под ред. В. А. Томсинова): монография. Москва: Зерцало, 2008. С. 197–199; Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 6–7, 9, 36; Фоминская М. Д. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра юрид. Нижней Новгород, 2021. С. 3; Честнов И. Л. Постклассическая интерпретация ускользающего бытия права: вместо введения // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. С. 19.

⁵ См.: Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: моногр. Москва: РГУП, 2018. С. 57–63.

⁶ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.

⁷ См.: Гаврилов С. Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 30–44.

⁸ См., в частности: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. Москва: Норма, 2007. С. 21–46.

генетической структуры кода права. Положенный в основание юридической техники принцип формально-логического конституирования квалифицирующего суждения¹ детерминирует структурный дуализм схемы генерации такого высказывания. Это актуализирует требования «межевания» и установления демаркационных линий между топологическими единичностями гносеологического конструкта как не обладающими тождеством признаков форм, а следовательно, и самих форм². Таким образом, преодоление *познавательной дискретности* в рамках классического конструкта юридического силлогизма, где первая посылка (большая) свидетельствует о должном (праве), а вторая (меньшая) — о сущем, то есть о подлежащих юридической оценке фактах, — *исключено*. Обладающее коннотациями юридического требования заключение утрачивает статус элемента силлогистической структуры и выводится из *общей топологии* соответствующей композиции, что равнозначно синтетической аннигиляции семантического содержания посылок.

Деструкция описанного следования сохраняется и в случае так называемой методологической «уступки». Суть последней в признании аксиоматически положенной связи логических форм (посылок) и семантического содержания³, что позволяет *приписывать* взаимодействию внутренних первичных (атомарных) форм силлогистической структуры значение *решающего* фактора достижения релевантной цели. В правовой сфере подобное (аксиоматическое) конструирование ведет к формированию субъекта правового поиска (юриста-профессионала) индифферентного к семантическому *наполнению* актуального юридического силлогизма. И это вряд ли можно ставить ему в вину. Во-первых, начетническое следование формально-логической установке дезавуирует необходимую — для синтеза в рамках семантико-логических конструкций — предпосылку сущностной однородности имплицуруемых единиц; во-вторых, редуцирующая формализация семантического субстрата обнаруживает несостоятельность применительно к некоторой части предметно-смыслового в его корреляции к целому.

Ретранслируя блокирующие, в творческом плане, интенции юридико-технического инструментария, адепт методологического монизма *вынужден добросовестно* осуществлять обслуживание структур юридического силлогизма, имплицуруя правовые смыслы в одну из каталогизированных модификаций форм⁴, но, в итоге, оказывается неспособным решить и эту задачу. При этом всеобщий статус запроса дезавуирует творческие усилия не только субъектов, чья миссия сопряжена с признанием непререкаемой значимости содержания юридико-силлогистической композиции (юристы-практики), но и лиц, уполномоченных к концептуальной адаптации ранее неизвестных в горизонте правовой коммуникации маркеров (юристы-ученые).

Любые модальности правовой догматики демонстрируют несостоятельность как в плане обретения предписанием юридически значимого статуса (действительность нормы), так и его практической реализации (действенность нормы). Дескрипция из посылки «поскольку на практике сложилось такое положение вещей, оно и должно поддерживаться», в той же мере, как *мнимая* инверсия, «должно поступать таким образом, ибо это воля суверена», — не только допускают ригористское (бескомпромиссное) позиционирование при реализации права, но исключают антиципативные (предвосхищающие правовое решение) мотивы, будучи лишены в рамках запротоколированных фактов прогностического ресурса актуального действия.

Вопрос о действительности нормы не может быть разрешен посредством указания на некий бытийный факт⁵ как эмпирическое основание правовой достоверности деонтического суждения. Даже при условии корректного действия национального механизма правотворчества в логическом измерении позитивистской модальности значение такого источника права исчерпывается маркером *необходимости*. По сути, дескрипция здесь актуализирует этическое суждение в пространстве правового дискурса, но не касается *достаточности* как детерминанты приобретения суждением юридически значимого статуса. Не обеспечивает правового эффекта и имманентное позитивизму телеологическое совпадение достаточного и необходи-

¹ См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 19.

² См.: Ивин А. А. Логика. Элементарный курс: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2022. С. 140.

³ См.: Ивин А. А. Указ. соч. С. 25–28.

⁴ См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 22, 28–33.

⁵ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 240.

мого для предметно ориентированных условий обоснования «истинности» аксиологических суждений (оценок)¹.

Обозначенные трудности обуславливают поиск *логически выверенной* формализованной правовой структуры и типологии составляющих ее концептуальных субстратов, обладающих *признаком достаточности* по отношению к целям обоснования. Однако и в концептуальных параметрах такого конструкта норма не получит искомой достаточности, если ее семантическая структура останется нерасторжимо связанной с каталогом порочной аргументации². Данное обстоятельство упускается из виду в герменевтической модальности методологии формально-онтологического конструирования права как текстуального пространства (нарратива), исчерпываемого суммой вербальных, символически выраженных норм³. Сторонники этого подхода придают решающее гносеологическое значение семантическому наполнению онтологической структуры права, но аксиоматическим статусом *основания* и *среды* осуществления коммуникативных юридических практик и диалогичности наделяют герменевтический дискурс как *таковой* (безотносительным образом). Такие утверждения не могут получить заверения в своей состоятельности, поскольку исключается «свободный» семиотический и лексический взаимообмен между языковыми формами презентации коммуникативных практик и жизненных сфер, *ищущих* легитимно-правового опосредования. Претендуя на генерацию достоверно-юридических текстов, герменевтическая методология, прежде всего, сама нуждается в юридической сертификации.

Отдельного упоминания заслуживает и юридико-позитивистский апгрейд Г. Кельзена, который отчасти снял проблемы трансцендентности источника правовой значимости деонтического суждения и семантической замкнутости правового дискурса. Выдающийся ученый исходил из необходимости преодоления метафизических притязаний теории права, как дезавуирующей возможность присвоения суждениям, содержащим коннотации предметно ориентированного должествования, номинации правовых. Гносеологию означенной цели он связал с рецепцией феноменологических практик, обоснованных Э. Гуссерлем⁴.

По Г. Кельзену явления приобретают правовой статус только в связи с наделением эмпирических поведенческих актов, взятых по модусу факта, соответствующим (правовым) смыслом. Достоверность акта правового смыслонаделения сопряжена с наличием априорной смыслообразующей структуры сознания (эйдос), которая в силу хабиитуализации (стереотипа восприятия) практик правовой интерпретации оказывается оперативно недоступной, что исключает семиотическую верификацию полученных результатов. В юриспруденции это привело к предметному размыванию границ права и включению в него (право) психологических, аксиологических исторических и прочих элементов. Такое положение требует эйдетической редукции, «очищения» правового эйдоса от «чуждых элементов» путем предметного ограничения правоправедения «позитивным правом вообще»⁵. Для чего из каталога инструментария правоправедения необходимо исключить оценочные суждения относительно наличного правопорядка. Тем самым кельзеновская теория права получает принципиально дескриптивный характер.

Для интересующей нас проблемы важное значение имеет «археологическое» раскрытие Г. Кельзенем конститутивного ресурса правовой нормы, что позволило ему заявить — в качестве общей схемы генерации юридически значимых текстов — принцип *правового самоистолкования материала*, предшествующего тому толкованию, которое должно явиться как итог правопознания. Эманация «объективного должествования» происходит в соответствии с «основной нормой» (*Grundnorm*), содержательно раскрываемой в качестве самореферентного правила юридической актуализации предметно ориентированного высказывания⁶.

Тем самым, казалось бы, найден универсальный юридический алгоритм генерации нормативных конструктов второго порядка как правовых онтологий предметностей. Правовое предложение

¹ Только в математическом утверждении предметное семиотическое совпадение, то есть «сумма» необходимого и достаточного основания образует критерий истинности. См.: Каазик Ю. Я. Математический словарь. Москва: Физматлит, 2007. С. 163.

² См.: Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. Москва: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 40.

³ См.: Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 105.

⁴ Краевский А. А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 8.

⁵ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 10.

⁶ См. там же. С. 12; 268.

генерируется автоматически самой предметностью, вступившей в пределы правового горизонта. Право оказывается системой региональных онтологий, в которых юридическая значимость дескрипций независима от их содержания и соотносена *только с порядком* легализации. Однако методологический потенциал данного тезиса купируется сопряжением означенного порядка с тематическими детерминантами правовых текстов¹. Поэтому «решающую» актуальность для теории права приобретают мотивы и техника дескриптивного редуционизма в контексте деконструкции априорных эйдетических связей в системе права и ассимиляции (погружения) в нее «фактических составов». Означенная специфика — как и повсюду в позитивизме — содержит высокую вероятность актуализации деструктивных методологических прогнозов, игнорирования существенных характеристик подлежащих описанию предметностей, а также полной правовой индифферентности по отношению к таковым.

Интенцией преодоления редуцирующей формализации правовой дескрипции отмечены труды российских правоведов, приверженных философии реального конституционализма. Общий посыл кельзеновской гносеологии принимается ими в той мере, в какой это не противоречит цели сущностно-правовой интерпретации реальности как жизненного мира², что выразилось в отказе от требования юридической «чистоты», подрывающей надежды на воплощение правовых идеалов добра и справедливости. При этом ученые-конституционалисты учитывают методологическое значение принципа правового самоистолкования вкупе с концептом основной нормы³. Что лишь при очень *пристрастном* «желании» (и научном «раздражении») может быть понято как редукция правопонимания к конституционной догме⁴.

Генерирующий право текст Конституции Российской Федерации — не норма, и гносеологические коннотации этого текста к основной норме Г. Кельзена оформиться в догму не могут. Прескриптивная значимость конституционно-контекстуального соотношения детерминирует актуальное сохранение легитимной правовой матрицей своего гносеологического статуса в качестве дискурсивного основания правовой интерпретации и коммуникации. Сущностная связь этой всеобъемлющей юридически значимой дескрипции с жизненным миром обнаруживается в силу самоочевидного в ней присутствия. Конституционный текст обретает значение *правового ретранслятора жизненного мира* по модусу гармонии и синергии между последним как целым и его концептуальными элементами. Созидательная модальность выступает ориентиром аксиологического и телеологического, открывая недоступные «чистому учению» перспективы эйдетической ассимиляции, дезавуируя риски предметного редуционизма и интенциональной индифферентности. *Распознать* (и купировать) которые нельзя (поскольку *некому*) и в «познавательных субъект-субъектных интеракциях»⁵.

В конституционной теории права принцип правового самоистолкования получает характер онтологического погружения, что позволяет говорить об идиоматическом характере правового созерцания атрибутов реальности. Будучи сопряженной с гипотезой имманентной конституционности *юридическая идиома* содержит регистрируемый, но терминологически невыразимый признак, «легитимно» эксплицирующий онтическую (порядок сущего) устойчивость в единстве явленных характеристик (феноменов) противостоящей экзистенции⁶. Реализация методического потенциала этого концепта намечает возможность семиотического и лексического взаимодействия между коррелирующими в рамках правового поля сущностными феноменами. Гносеологической детерминантой подразумеваются имплицированные в дескрипции языковые параметры предания юридической значимости легитимно производным от конституционного текста суждениям. Только Конституция Российской Федерации, «заклячая» в себе весь необходимый инструмента-

¹ См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 237–274; 278.

² См., в частности: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 29–30, 34, 39.

³ В том числе в модальностях конституционного правопонимания и конституционализации права. См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. С. 10 и др.

⁴ См.: Честнов И. Л. Ответ критикам постклассических исследований права / Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 22.

⁵ См.: Честнов И. Л. Указ. соч. С. 23. Претендуя на это, постнеклассическая методология в своем итоговом выражении отрицает субъект-объектную реальность Конституции Российской Федерации (как и классический юридический позитивизм).

⁶ См. подробнее: Флоровский Г. В. Восточные отцы IV–VIII веков / Протоиерей Георгий Флоровский. Репр. изд. Париж, 1931, 1933 гг. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 78–79.

рий для целей «распаковки» правовых смыслов и формальной генерации юридически значимых высказываний, утверждает — в суверенном поле России — универсальный формат правовой дескрипции и, как таковая, может быть уподоблена по своему феноменологическому статусу «основной норме».

Согласимся, что в текущей ситуации и с учетом известных социально-гуманитарных факторов и трендов высказанные нами идеи претендовать на имплементацию в учебных курсах теории государства и права, наверное, не могут. Мы руководствуемся здесь лишь тем убеждением, что соответствующей концептуальной корректировки для теории права *потребуется* суверенная юридическая практика будущей России, в которой профессионализм найдет оправдание своему престижу и востребованности в силу достоверного соучастия каждого юриста в конституционно-дескриптивном прояснении и реализации смыслов всеобщего должного.

Захарцев Сергей Иванович,

доктор юридических наук, академик Российской академии естественных наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск Национальной гвардии Российской Федерации

Сальников Виктор Петрович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск Национальной гвардии Российской Федерации

К дискуссии о высшем юридическом образовании

В июне 2023 года в Нижнем Новгороде состоялся межвузовский форум на тему «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации».

Ученые высказывали различные, порой взаимоисключающие мнения о современном высшем образовании и путях его улучшения.

По некоторым из поднятых вопросов мы хотим высказаться.

Начнем с того, что нам понравилось стремление поднять профессию педагога на должный уровень. Ранее — как при царизме, так и при советской власти — педагоги были одними из самых уважаемых людей общества. Сейчас статус и школьного учителя, и преподавателя вуза существенно упал. Наиболее ярко это выражается в заработной плате. У педагогов она невысока, а точнее говоря, низка.

Что ж, в современном капиталистическом обществе уровень денежного содержания играет важную роль. Высокие зарплаты притягивают лучших. Хорошо, что это стало осознаться российским Правительством и Парламентом. О необходимости значительного повышения зарплат педагогам и придания этим профессиям должного статуса говорил Председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышев.

В его выступлении нам запомнилась еще одна мысль о необходимости обеспечения в учебных заведениях гражданственности и патриотизма.

От себя хотим добавить, что для юриспруденции данный посыл имеет особое значение. Ведь именно право и законы обеспечивают суверенитет и традиции населения России, защищают его жизненный уклад.

Право — сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать всеохватывающе и без идеализации. В ряде случаев оно может быть зависимо от экономических и политических процессов и даже от самодурства политиков, быть не только мудрым, но и подчас содержать бестолковости и глупости, где-то быть простым, а где-то запутанным и т. д.